

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

ndejra
Оммаж Хансу Йегеру
«Встреча человечества с самим собой»
2025

Скопировано 26.10.2025 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=3751>

ru.anarchistlibraries.net

Оммаж Хансу Йегеру

«Встреча человечества с самим собой»

ndejra

2025

Такие люди были всегда. Те, которые не понимают своей эпохи и не понимаемы ей; они — не мизантропы, хотя считаются такими в обществе, им просто трудно найти достойных любви современников; одиночками они являются лишь вынужденно, т.к. педантично следят за тем, чтобы не потерять себя; они — мечтатели не потому, что хотят забыть действительность, а потому что она обычно скучна и отвратительна; они известны как циники и аморалисты, но им просто всегда хотелось быть честными; их страсть иногда доходит до иконоклазма, но не потому что святыни фальшивы, а потому что они недостаточно священны. Некоторыешибко умные считают их пророками, но пророками мелкой буржуазии, которые всего лишь противопоставляли развивающемуся капитализму истрепанную протестантскую мораль, и были, соответственно, обречены погибнуть вместе с ней. Их геройские жесты пусты, поиски правды для них важнее самой правды, а их путь ведёт, как правило, либо прямиком в пасть нигилизма, либо в пучины мистицизма. (1)

Ханс Хенрик Йегер родился в 1854-м году в Норвегии, когда ещё большей частью крестьянская провинция медленно, но верно выпутывалась из союза с Шведским королевством. Признаюсь, я не знаю практически ничего об истории этой местности, кроме того, что Норвегия несмотря на месторождения газа и нефти сумела избежать судьбы таких экстрактивистских экономик как Россия, Венесуэла и Иран, а в 2014-м году страна праздновала двухсотлетие своей конституции, официально пригласив бывших блэкрей Enslaved. Судя по всему, некой безумно-рациональной традицией эта местность обладает (как, впрочем, и большинство местностей на этой планете). Считалась ли страна в то время европейским захолустьем, я тоже сказать затрудняюсь. В любом случае, она довольно быстро нагоняла Западную Европу в экономическом развитии, политическая эмансипация буржуазии проходила довольно мирно, открытых военных конфликтов со Швецией удавалось избежать и Норвегия полностью и бескровно высвободилась из союза со Швецией лишь к 1905-му году.

Родители Йегера рано умерли, в шестнадцать лет он решил податься в моряки и часто бывал в Западной Европе и Северной Америке. В двадцать он возвращается в Кристианию (так тогда назывался Осло), хочет стать школьным учителем, записывается в университет и изучает философию. Чтобы оплатить обучение, он устраивается работать стенотипистом в норвежский парламент. Возможно, для некоторых его более поздних идей не так уж неважно, ведь парламент молодой, ещё помнящей своё революционное прошлое буржуазии считался многими левыми «местом общественного разума». (2) Под конец 1970-х годов взгляды Йегера становятся всё более общественно-критичными, он становится атеистом, критикует институт буржуазного брака, выступает за свободную любовь и стремится защитить права проституток как вытолкнутых

5. Что Йегер в своё время, возможно, ещё не мог заметить, этот тот факт, что реакция тоже торгует тоской по общности, причём куда более успешно, т.к. её общность, этнос или нация, куда менее абстрактна, чем «человечество». Да и идея абстрактного человечества – христианское облако, беременное грозой антисемитизма. Эсхатологический прогрессивный антисионизм и дискурс т.н. свободной Палестины актуально это подтверждают, но об этом как-нибудь в следующий раз.

3. В те времена никто в трезвом уме и здравой памяти «sex work» особенно эмансипаторным явлением не считал. Некий Фридрих Энгельс, например, в 1886-м году в «Происхождении семьи» объяснял ситуацию следующим образом: «...наследство, завещанное групповым браком цивилизации, двойственno, как двойственno, двулико, внутренне раздвоено, противоречиво и всё, что порождено цивилизацией: с одной стороны – моногамия, а с другой – гетеризм вместе с его самой крайней формой – проституцией. Гетеризм – это такой же общественный институт, как и всякий другой; он обеспечивает дальнейшее существование старой половой свободы – в пользу мужчин. На деле не только терпимый, но и широко практикуемый, особенно же используемый господствующими классами, гетеризм на словах подвергается осуждению. Но это осуждение в действительности направляется не против причастных к этому мужчин, а только против женщин; их презирают и выбрасывают из общества, чтобы таким образом, снова провозгласить, как основной общественный закон, неограниченное господство мужчин над женским полом». К этому и по сей день нечего прибавить, и нечего от этого убавить.
4. Несмотря на энтузиазм издателя Нильса Хоера, Йегера в Германии кратко приняли к сведению и тут же снова забыли: «Но не прибежище находит Ханс Йегер в Германии: он не чужой среди нас, ибо свою духовную родину он нашёл на пути к Маску Штирнеру от Гегеля и Иммануила Канта. Мы дадим ему родину, ибо родиной должен ему стать язык нашей Германии, а в нём раз и навсегда обрело свою свободу – слово».

общественными нормами в статус необходимых парий в сексуальном порядке. (3) Свои взгляды он пытается сначала распространять при помощи театральных драм, а его имя становится всё более известным в молодых и беспокойных литературных кругах Кристиании.

В 1885-м он ещё раз пытается достучаться до широкой публики, в этот раз при помощи полубиографического романа «Кристианская богема». По сегодняшним меркам книга производит довольно мягкое впечатление, но для тогдашнего, смутного по меркам заспанной Норвегии времени она произвела настоящий скандал. В то время король начал терять свою власть, парламентаризм становился всё сильнее, урбанизация шагала по стране, границы между частным и общественным смешались, но буржуазия и не собиралась отказываться от традиционных, протестантских моральных установок, что привело норвежскую молодёжь к горькому разочарованию.

В «Кристианской богеме» молодой человек по имени Эк живёт в съёмных комнатах, читает толстые книжки, мучается от сексуальной неудовлетворённости, т.к. денег у него иногда не хватает даже на самых дешёвых проституток из пролетарских кварталов, страждет тепла и любви, вопрошаются смыслом жизни и до смерти скучает. Собственно, это и есть сам Ганс Йегер. К счастью, у него есть хороший друг Ярман, немного более твёрдый характером, ведущий примерно такую же жизнь, и с которым можно замечательно употреблять алкогольные напитки и вести философские разговоры. Известно, что за фигурай Ярмана скрывался друг Йегера Йохан Секман Флейшер. Эк зачитывается немецким идеализмом и этого иногда наводит его на странные мысли, которые он и обсуждает с Ярманом за пивом и шнапсом. «В основном, я изучал Гегеля. Но работа никак не желала двигаться с места. Порядок никак не возник; ибо я абсолютно не понимал ничего

из того, ч то читал; и могли пройти целые недели, когда я либо безвольно валялся на кровати и смотрел в потолок с чувством своей абсолютной неспособности, или слонялся где-то и пытался забыться за бренди и у девчонок... Я работал немного; но если я и занимался чем-то, то это была философия: старая и новая, в основном старая. Спешить мне было некуда, и это могло быть только на пользу, когда я углублялся настолько, чтобы смыть написать историю спекулятивной философии таким образом, чтобы каждый, кто захотел бы ею заняться, тут же понял о ней и её полнейшей бесполезности всё». Но ёщё увлекательнее становится после знакомства в философией права Фихте: «Но боже мой! Неужели людям за все эти столетия не было чем заняться, кроме как есть, пить, спать и быть глупцами? ... Жили великие умы зря? ... Неужели никто, совсем никто за всё это время не додумался претворить это в жизнь? Да, именно, великую революцию! ... Свобода, равенство, братство! ... Это были те же самые идеи... Но это не удалось... Был лишь один путь. Массы должны быть приведены к пониманию, что общественный порядок существует лишь для того, чтобы удовлетворять их потребности, а затем массы должны научиться чувству, что у них есть власть обустроить общество таким образом. Вот тогда массы начнут отстаивать свои потребности и требовать их удовлетворения. Но не было иного пути, привить массам эту мысль и дать им это чувство своей власти, кроме как дать бразды правления в их собственные руки и позволить им править самим... Править собой... Самоуправление? — Вот отсюда и нужно начинать...»

Эк, как мы знаем из биографии Йегера, намеревался стать преподавателем философии, а устроиться в какую-нибудь девичью гимназию — было бы как раз полезно для его «великого дела». Свои высокие цели он описывает Ярману следующим образом: «...Для служения свободе нам,

любимые всеми деньги. Но одна блестящая идея у Йегера всё-таки находится: нужно собрать «анархистскую партию», которой, конечно, никогда не суждено выиграть на выборах (да она и не намеревается), но которая должна активно использовать парламент в целях агитации. Так и победим, ибо божественная искра ёщё есть, она просто не знает куда податься. Это — в общих чертах содержание «Библии», которая, подобно настоящей, оставит у благосклонных читательниц и читателей по прочтении огромные вопросительные знаки в глазах.

После всех своих злоключений Ханс Йегер возвращается в 1910-м году в последний раз в Кристианию. Его плавание, в котором он под чёрным флагом плыл навстречу человечеству, подошло к концу. Человечества он не встретил и оказался выброшен на берег, подобно всякому пирату, не удостоившемуся чести быть облитым смолой и повешенным властями. Он умер от рака желудка — но не под стойкой бара и не в обшарпанном борделе на карibbeanских островах, а в тоскливом гостиничном номере, окружённый несколькими верными друзьями. Ничто из того, что было рассказано выше, не доказывает верности его идей, ничто их и не опровергает. Богема осталась одна на этом тоскливом кладбище и разлагается там под цветами и венками.

Ссылки:

1. Анатолий Луначарский: Ибсен и мещанство, 1907
<http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-5/ibsen-i-mesanstvo/>
2. Эрих Мюзам, например, тоже фантазировал иногда о мировом парламенте, который положил бы конец тайной дипломатии государств.

индивидуа ещё было превратить свою жизнь в череду захватывающих схваток, которая зачастую заканчивалась грандиозным поражением, но в которых был и шанс увенчать их сияющей победой — короче говоря: когда жизнь ещё была приключением. Как занятые зарабатыванием денег бургеры 19-го века в свободное время тосковали по поэзии рыцарского времена из полного приключений Средневековья, точно так же обеспеченные граждане государства равенства будут тосковать по поэзии денег сумасшедшего 19-го века». Не пройдёт и сотни лет, а случится именно это: целые нации начнут выламываться из так называемого государственного социализма, т.к. они чувствовали себя несвободными, и пришли к тому нескончаемому кровавому приключению, где каждый куёт своё собственное счастье как меч против счастья всех остальных.

Тут Йегер переходит на личное, т.к., видимо, считает свою жизненную историю общей для всех; он критикует школу, воспитание, брак и снова его оборотную сторону — проституцию, он отчаивается в повседневной борьбе, стареет, а берега всё ещё не видать. От самоубийства рассказчик воздерживается, как это, видимо, и сам Йегер делал не раз за свою жизнь. Ведь может быть, что всё было не зря. Ведь даже учёные со временем стали понимать в каком диком состоянии находится мир. Никакое «постепенное развитие», никакое улучшение не сможет действительно поправить положение человечества. Но где же бунт? Неужели его дух действительно угас и Сатана оказался прав? Повсюду возникают и растут профсоюзы, рабочий класс постепенно наращивает самосознание, повсюду стачки, но если не производство не присваивается и не организуется обществом, всё это служит лишь косметическими мероприятиями, а революция остаётся «глупой болтовней». В книге не стоит искать точных планов по организации мировой экономики и мыслей, чем заменить

собственно, теперь нужны только симпатичные девочки — и воспитывать их надо с самой ранней юности. — На здоровье! ... Представь себе молодую, красивую девчонку в возрасте 15-16 лет, цветущую и полную свежей жизни, и хорошо развитую в половом смысле — такой она должна быть — представь себе её в тот момент, когда просыпаются желание и тоска по любви, а жизнь простирается перед нею как светлый сон — только любовь! ... А потом представь себе, как с любовью обращаются — не в книгах, там она в определённых рамках терпится, а в реальной жизни: её рассматривают как заблудившуюся дикую птицу, её ловят, приручают и запирают в клетку, где она чахнет и сменяется семейным теплом и материнской любовью — и на этом её история заканчивается. Но если нет, если действительно из пепла суждено восстать новой любви, но горе женщине, если она не прячет её поглубже в своей груди... Заставим же теперь молодую девчонку, чья жизнь до сих пор имела лишь одно содержание: любовь, осознать это — откроем её глаза, чтобы она узрела судьбу любви в обществе, в которое её предстоит вступить... Она глубоко возмутится этим, и ты сможешь вызвать в ней мощнейшую ненависть и дикое, фанатичное упрямство в отношении всего, что виновато в том, что любовь умерщвляется таким образом. И если она влюбится в совершенно свободного мужчину, но не захочет, чтобы её любовь пережила себя в фоме семейного тепла и любви к детям и сделала их обоих неспособными любить — тогда она спасена. Тогда она непредвзято отдастся ему и станет сражаться против общественных предрассудков — смело и уверенно, т.к. её не нужно бороться против этих же предрассудков в своей груди». В принципе, то, что Йегер тут описывает, до сих пор осталось делом всех интеллектуалов, теоретиков и «учителей» во всех их дискуссионных, читательско-мечтательских круж-

ках и прочих сектах, где мужики проповедуют женщинам, а не наоборот. Им просто хочется свежей девчатаинки.

И вот, вооружённые самыми прогрессивными и благородными идеями, двое неудовлетворённых интеллектуалов обращаются к местному рабочему объединению, дабы оно помогло им обустроить общество и их половую жизнь более справедливым и здоровым образом. Там на собрании они произносят пламенную речь, в которой нападают на самые священный основания человеческого общества: против христианства, против морали и представления о свободе воли, они требуют свободы для искусства, науки и любви. В то время как дочери из хороших семей увядают в своей семейной жизни без любви и страсти, другие, которым повезло в жизни меньше, и которым приходится продавать немного нежности за деньги, в буквальном смысле перетираются на улицах и в притонах. Здоровым это состояние общества назвать никак нельзя. Норвежские социал-демократы ожидали ужаснулись от такого богохульства, друзей выгнали оттуда взашей, затем их идеи были разгромлены в газете рабочей партии. Друзья и знакомые, и что хуже всего — гимназистки, с которыми они тем временем познакомились, отворачиваются от Эка и Ярмана. Попытки спасти мир натыкаются на свои границы, интеллектуалам в голову больше ничего не приходит и они удаляются в тусовку, Ярман даже призывается в амию. Но и субкультура тоже не знает, что дальше; все продолжают встречаться, дискутировать, зачитывать друг другу свои произведения, выпивать, запутываться в дальнейших долгах и ломать голову над вопросом: зачем это всё? Ярман однажды заявляет о своём самоубийстве, расплачивается по долгам и стреляется на живописном берегу фьорда. Тусовка собирается на похоронах, произносит речи и напивается. «А потом все исчезли, а Ярман остался один на этом тоскливом кладбище и разлагается там под

чудовищной ошибкой. Не короля Людовика, а твою Бастилию, Маммон, они должны были взять штурмом — старую Бастилию права частной собственности, скрывающую за своими поросшими мхом, внушающими благоговение стенами жуткий каземат, где томится мать Продуктивность и работает с завязанными глазами, скованная цепями по рукам и ногам... лишь потом начнётся век свободы, лишь затем порабощённое человечество восстанет со всей своей силой, отбросит со смехом мысли о деньгах и заботы о пропитании и с улыбкой на устах устремится к своей первой великой цели: к грандиозной встрече человечества с самим собой — началу всей настоящей жизни». Но постоянно происходят кризисы перепроизводства и войны, «денежная плеть» гонит европейцев за моря и океаны; более старый и мудрый Китай осознанно отгораживается от необузданного технического прогресса, но завоёвывается и покоряется чужим прогрессом и перепроизводством.

Сколь героической бы ни была борьба человечества, сколь поэтическим бы ни был язык повествования, «Библия» (впрочем, как и оригинал) затянута и страдает от бесконечных повторений. Йегер практически мучает своих читательниц и читателей абстрактными экономическими расчётами для неразрешимой проблемы общественного производства и частного присвоения общественного богатства. Таким образом он, видимо, стремился показать, что бесполезно «махать денежной плетью за счёт всего народа», и полемизировал против государственно-социалистической уравниловки. «А в конце будет так, что прилично одетые граждане государства равенства, которые сидят со своей сытой семьёй в уютном доме, мечтают вернуться в опасную эпоху денег с её суверенным презрением к человеческой жизни и человеческим ценностям, когда все сражались против всех, где роскошь существовала бок о бок с нищетой — но когда в ответственности

многократное количество продуктов питания, которые цивилизованный мир был бы в состоянии потребить. Да и средства коммуникации, которыми располагают люди — каждая составная часть которых постоянно расширяется и улучшается — уже настолько эффективны, что ничтожная часть населения с их помощью в любое время может быстро и легко направить всё, что производится, туда, где в этом нуждаются... Результатом было бы то, что каждый отдельный представитель цивилизации в каждый момент имел бы в своём расположении всё необходимое ему для жизни... Но этого не произойдёт — для этого не хватает целостного сознания, общественного рассудка».

Смысл происходящего, конечно, не только в том, чтобы больше никто не страдал в то время как средства для утешения практически любых страданий уже имеются. Нет, у людей есть великая цель, даже если они сами об этом ещё не знают: «Человечество? — это были полтора миллиарда одиноких душ, беспокойно мерцающих по земному шару, каждая сама по себе, в темноте, неосознанно ища и не находя друг друга... Человечество — это были полтора миллиарда одиноких сердец, в разлуке друг с другом, каждое само по себе, за оболочкой звуконепроницаемых стен, так, они стучатся в одиночестве, в странной, ожидающей тоске стучаться в унисон с другими — подобно сердечку рыцарской дамы, одиноко сидящей в своей девичьей башне и ожидающей того незнакомого рыцаря, созданного её мечтами... И довольно быстро они осознали, что они всё ещё связаны по рукам и ногам в денежной западне, и несмотря на свои огромные силы всё ещё вынуждены тратить своё время на презренный вопрос: ‘на что жить?’ — вместо того, что вольно и радостно стремиться вперёд, к цели своей мечты: к встрече человечества с самим собой... Революционеры штурмовали Бастилию и считали, что тем самым началась эпоха свободы. Это было

цветами и венками». Самое позднее на позаследующий день жизнь идёт своим чередом.

В прессе и в богемных кругах этот роман жарко обсуждался, видимо, многие узнали себя в его фигурах. Йегер даже дословно процитировал речь с похорон Йохана Флейшера. Государство тоже реагирует: издание конфискуется, Йегер теряет работу в парламенте, зато получает штраф и символический срок в тюрьме. За попытку снова опубликовать книгу под другим названием в Швеции, его ещё раз приговаривают к тюремному заключению, на этот раз более длительному. Йегер решает, что с него достаточно, хотя отсидеть ему надо было что-то около трёх месяцев, бежит во Францию, потом возвращается, отбывает положенный срок и ещё раз покидает страну. В Париже он обустраивается более-менее, но тут он соприкасается с анархизмом и читает работы Граве, Реклю и Кропоткина. Там же пишет свою следующую книгу, ещё менее читабельную, чем «Кристианская богема»: роман в трёх частях «Больная любовь». В первую очередь, этот роман мрачен и тоскливы. Он даже нашёл нескольких поклонников в Германии и был переведён на немецкий в 1920-м году. (4) Современники же, тоже норвежские субкультурщики, придерживались противоречивых мнений. Юнас Ли, например, писал Арне Гарборгу: «Это — отвратительная книга, написанная с пистолетом у виска. Всё своё гражданское существование этот несчастный человек поставил на кон, всю свою жизнь, только чтобы высказать, выкрикнуть всё то ужасное, к чему мы, остальные, считающие себя утончёнными людьми, не хотим даже прикасаться. Эта книга — крик помощи утопающего, великий поступок».

«Больная любовь» не имела шансов в Норвегии и тут же запрещается; она рассказывает о сложных отношениях Йегера с Одой Крог, женой известного норвежского художника Кристиана Крога, которая, очевидно, и уговори-

ла его бежать из страны, а затем предала. Если кому-то захочется искать в этих трёх томах жаркой северной эротики, за которую они и были запрещены властями, тому я желаю в первую очередь много терпения и выносливости. Основная тональность, по словам немецкого издателя романа Нильса Хоера, довольно депрессивная: «долгая жизнь среди человеческих стад была смертью от замерзания». В то же время Йегер писал своему другу Генрику Ибсену: «Мысль о смерти стала мне другом и утешителем — я больше не считаю, что умирать тяжело. Так, мысль о неизбежной смерти больше не тяготит меня, ...никто не издаст моих книг до моей смерти! А это — то, что тяготит меня сильнее, чем я могу это выразить. Одному Бога известно, что это за сумасшедшая идея — жить по ту сторону смерти. Но я мучаюсь этой безумной идеей: ибо мне хотелось бы, чтобы моя тоскливая книга о любви стала бы моим наследием, когда меня не станет, свидетельством того, что я однажды жил! Я представляю себе, что её прочитают — как читают лишь немногие книги — всеми, кто несчастливо влюблён, кому она попадёт в руки годы и годы спустя, и у меня такое чувство, будто бы я всем им пожимаю руку. И этого мне так неописуемо хочется, да, это даже единственное желание, которое у меня есть, если мне сейчас пришлось бы попрощаться со всем после этой жалкой, неудачной жизни. О, вы не представляете себе, какое удовлетворение бы мне это принесло».

Из Парижа Йегер сотрудничает с шведской газетой «Social-Demokraten», но склоняется больше к газете молодых социалистов «Det Tuyvende Aarhundrede». Где-то в 1906-м он перебирается в Данию, где вместе с известным датским анархистом Жан Жаком Ипсеном пытается создать свою организацию, основывает недолговечные газеты «Korsaren», «Skorpionen» и «Revolten». В это время он пишет свою саму безумную книгу: «Библию анархии».

Как бывшему стенографисту Йегеру выпадает невероятная честь: господь Бог лично диктует ему эту книгу и требует скорейшей её публикации. Конечно, всё это с иронией, но такой библейский лор из-под пера атеиста порядочно удивляет. Такая идея могла прийти в голову и какому-нибудь Иоганну Мосту, но тот писал хотя бы более лаконично). То, что тут представляется нам историей человечества является, по сути, только историей буржуазного общества. Как бы то ни было, история очень проста и забавна: милостивый Господь спорит с Сатаной о том, не угасли ли в людях божественная искра, разум и тяга к свободе. Сатана подбрасывает им учреждение частной собственности, и если им не удастся освободиться от вытекающих из него несчастий, Бога придётсястереть людей с лица Земли великим потопом. И вот, оба сидят и наблюдают как люди несмотря на все свои знания и невероятно возросшую производительность труда угождают в один кризис за другим. И всё это на моряцком жаргоне, как если бы человечество было севшим на мель кораблём, который нужно снова вывести в открытое море. «Цивилизованная часть человечества застряла к началу 20-го столетия с таким промышленным производственным аппаратом, который мог бы сэкономить колоссальное количество труда, что можно незначительная часть населения цивилизованных стран при помощи этого аппарата могла бы спокойно произвести многократное количество промышленных товаров, которое весь цивилизованный мир был бы вообще в состоянии потребить. Лучшие методы возделывания земли, которые до сих пор были опробованы — и открываются всё более новые и лучшие — приносят в соотношении к затраченному труду такой невероятный урожай, что только при их применении половина населения цивилизованной страны на ничтожно малой части пахотных земель, которые у него есть, с лёгкостью могла бы производить